

Заключение.

Особенности исторического развития ландшафтной концепции

Отечественное ландшафтоведение является ровесником века и проделало большой и сложный путь в весьма непростых социально-исторических условиях. В начале и даже в середине этого пути понимание ландшафта отечественными учеными было крайне неопределенным - ландшафтами считались одновременно и пейзаж, и индивидуальная территория (район), и однородная территория (тип местности). Примеры ландшафтов, которые предлагали географы, варьировали по своим пространственным и сущностным характеристикам - от ельника-зеленомошника (Л.С.Берг) до Московского промышленного района (А.А.Борзов). И только в конце 40-х и начале 50-х гг. появилось новое региональное понимание ландшафта, отличавшееся значительно большей определенностью и заслужившее широкое признание советских географов.

В 50-х гг. были также сформулированы основные положения о структуре и предмете физической географии. Согласно этим положениям предметом общей физической географии является «географическая оболочка» как высший ранг природного комплекса, предметом ландшафтоведения или региональной физической географии - «ландшафт» как начальный ранг природных комплексов. Ландшафт служит точкой отсчета всей иерархии природных комплексов, сама же эта иерархия, или таксономическая система, природных комплексов от ландшафтов до географической оболочки исследуется в рамках учения о физико-географическом районировании. Данные положения сохранялись неизменными до самого последнего времени в учебных пособиях для университетов (Исаченко, 1991).

Эти достижения ландшафтоведения и физической географии явились результатом, с одной стороны, познания географической реальности, с другой - конвенциональных решений, принятых географами в силу различных исторических обстоятельств. Этот тезис был принят как изначальный при написании данного очерка истории ландшафтной концепции. Мы старались анализировать историю развития ландшафтной концепции, различая ее внешнюю, событийную и внутреннюю, понятийно-логическую стороны.

Ландшафтоведение имеет весьма богатую событийную историю развития, особенно, в период с 30-х по 50-е гг. Основной сюжет в этот период развивался вокруг взаимоотношений между ландшафтной концепцией и теорией «единого физико-географического процесса». Выдвинутая в начале 30-х гг. на волне перестройки советской науки на новых философских основаниях «диалектического материализма» теория «единого физико-географического процесса» доминировала в физической географии на протяжении почти двух десятилетий. Ландшафтная концепция вынуждена была приспособляться к данным историческим обстоятельствам, что выразилось в трактовке «ландшафта» как внешнего выражения «единого физико-географического процесса». В 50-х гг. в результате поиска компромисса между концепциями (после периода резкого обострения отношений) была выдвинута идея сосуществования этих двух теорий в качестве двух ветвей физической географии - общего землеведения (учения о географической оболочке) и частной географии (учения о ландшафте). Стремление логически увязать понятия географической оболочки (в концепции А.А.Григорьева выступавшей в качестве

«материального носителя единого физико-географического процесса») и ландшафта привело к тому, что ландшафт из ключевой основной территориальной единицы (ландшафтоведы это подчеркивали, сравнивая ландшафт с «индивидуумом», «особью», «видом», «клеткой» и т.д.) превращался в один из рангов природных комплексов, который, по мнению некоторых географов (Д.Л.Арманда, Ф.Н.Милькова), качественно ничем не отличается от других единиц физико-географического районирования.

Развернувшиеся дискуссии вокруг этих предложений отличались крайней противоречивостью, вызванной самым разным пониманием логической природы ландшафта и физико-географического районирования (гл. 7). Эта непроясненность ключевых понятий так и не была преодолена в отечественной географии, что подчеркивает преимущественно конвенциональный характер классических положений советской физической географии о соотношении общего землеведения, ландшафтоведения и физико-географического районирования.

Исследование внутреннего понятийно-логического развития ландшафтной концепции представляет собой более сложную задачу, чем реконструкция внешней истории ландшафтоведения. История ландшафтоведения как научной теории совсем не отвечает тому классическому идеальному образу науки, согласно которому ученые выдвигают некоторые теоретические утверждения, критически их анализируют, постепенно логически проясняя базовые понятия концепции. В реальной истории ландшафтоведения критическая аналитическая сторона научной деятельности явно уступала «конструированию» ландшафтной картины окружающего мира.* Это наделяет историю ландшафтной концепции как научной теории весьма своеобразными чертами.

Одной из таких черт является наличие целого ряда явных логических противоречий в представлениях даже ведущих географов, которые так и не получили должного анализа со стороны самих участников исторического процесса. Эти противоречия мы не раз отмечали в настоящей работе. Некоторые из них указывались историками географии (Мильков, 1984; Сухова, 1981). Так, в работах одного и того же ученого могут встречаться различные трактовки ландшафта - пейзажная, региональная и типологическая, но при этом неоднозначность понимания ландшафта ускользает от его внимания. Мы старались показать, что разные трактовки ландшафта на самом деле означали разную логику разработки всей концепции ландшафта, т.е. являлись не просто терминологическими вариантами.

* Вероятно, история ландшафтоведения лучше могла быть описана в терминах методологической концепции «парадигм» Т.Куна (1977). Согласно концепции «парадигм» или «нормальной» науки, основная научная деятельность заключается не в продуцировании и критическом анализе теоретических идей, а воспроизводстве некоего шаблона постановки и решения исследовательских задач. Однако, несмотря на широкое признание этой методологической концепции среди географов, ее применяли в основном для осмысления текущей познавательной ситуации, а не для анализа истории научных дисциплин («парадигм») (В.Н.Солнцев, 1978; Малашенков, 1993). В настоящее время многие ключевые вопросы истории ландшафтной концепции можно было бы интерпретировать в терминах этой методологической концепции. Но существует опасение, что специфичная для ландшафтоведения историческая познавательная ситуация (только ему присущая) будет выдаваться за типичное проявление «парадигмального» развития науки.

Учение о морфологии ландшафта Н.А.Солнцева (которое было последовательно им развито в учение о ведущей роли литогенной основы в ландшафте) явилось, несомненно, главным достижением и кульминацией рассматриваемого классического периода истории ландшафтоведения. Лежащее в его основе региональное понимание

ландшафта (внутренне разнородная территория обладает единством благодаря «главному» фактору) является более логически обоснованным по сравнению с индивидуальными и типологическими способами ландшафтного районирования, чем и были обусловлены успехи в полевом ландшафтном картировании.

Однако последующие события в советской географии показали, что и ландшафты Н.А.Солнцева также не совсем отвечают интуитивным ожиданиям географов от «ландшафтов» как главных ячеек устройства земной поверхности. Ландшафты должны быть не только качественной определенностью, иметь региональную размерность, но еще и обладать *функциональной* целостностью. В отечественной географии на современном «системном» этапе совершился еще один «перебор» эмпирических объектов в качестве приоритетных для физико-географических исследований. Постепенно региональные ландшафты (Н.А.Солнцева) перестали рассматриваться как главные структурные единицы природной среды.

В начале 1960-х гг. В.Б.Сочава (1973) впервые высказался за необходимость внедрения в физическую географию системного подхода и ввел понятие "геосистема". В его трактовке термин "геосистема" относился к природным комплексам любого ранга. Говоря о природном комплексе как о "геосистеме", В.Б.Сочава имел в виду изучение структурно-динамических аспектов природных комплексов, "системообразующих" потоков вещества и энергии в природных комплексах.

Предложение рассматривать природные комплексы любого ранга как "геосистемы" получило в целом признание ландшафтоведов. Немногочисленные оппоненты нового понятия указывали на формальный характер нововведения, рассматривали его как терминологическое излишество (Ф.Н.Мильков). Вероятно, они во многом были правы. Переименование ландшафта в "геосистему" часто сопровождалось, особенно, в начале «системного» этапа только тривиальными утверждениями типа, что ландшафт представляет собой нечто большее, чем сумма частей (компонентов).

Во второй половине 70-х гг. начались более содержательные дискуссии о соотношении понятий «геосистема» и «ландшафт». По мнению В.Н.Солнцева (1977), любые объекты можно представить «как упорядоченное единство (систему), выраженное через некоторые основные (системные) категории - структуру, элемент, среду, связи, целостность и т.д.» (с. 34). Н.А.Гвоздецкий (1977) также не сомневался в самой возможности применения системного подхода к ландшафтными единицам, вопрос заключается только в том, насколько это целесообразно. Целесообразность применения системного подхода к объектам зависит от принимаемых критериев системности.

Критерием системности, по мнению большинства авторов, является наличие потоков вещества и энергии, организующего пространственные и временные границы объекта. В.Н.Солнцев (1977) при этом подчеркнул, что и "информация", которую некоторые исследователи считают также организующим началом в системах, может передвигаться в «геосистемах» не иначе как с потоками вещества и энергии (тем самым он устранил неосязаемость некоторых общих принципов системного подхода, которыми иногда оперировали географы).

По мнению многих географов, критерию системности отвечают природные комплексы только самого низкого ранга - фации и урочища. Системное исследование фаций строится на прослеживании каскадного распределения солнечной энергии и вещества в фации "по вертикали" на разных ее уровнях (на уровне крон, под кронами, в наземном ярусе и т.д.). Что касается урочищ, то они и традиционно

выделялись по потоковому взаимодействию сопряженных фаций (парагенетические комплексы, по Ф.Н.Милькову). С повышением ранга природного комплекса наличие каких-либо организующих потоков вещества и энергии, обособляющих его от других, соседствующих комплексов того же ранга становится все более проблематичным.